

Записки адмирала А.С. Шишкова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
3-32

3-32 Записки адмирала А.С. Шишкова / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 146 с.

ISBN 978-5-521-31264-1

ISBN 978-5-521-31264-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА А. С. ШИШКОВА.

Маія 15 дня, 1824 года, наименованъ я Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Того жъ мѣсяца 25 числа былъ въ первый разъ у Государя и читалъ ему слѣдующую записку:

«Прошу Высочайшаго позволенія:

1. Поручить мнѣ сдѣлать планъ, какіе употребить способы къ тихому и скорому потушенію того зла, которое хотя и не носить у насъ имени карбонарства, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось такъ, что если въ пынѣшнее время не обратитъ на него бдительнаго вниманія, не взять противъ него должныхъ мѣръ, и попустить ему еще нѣсколько возрасть, то уже силы его ни что не остановитъ.

2. Планъ сей буду я дѣлать медленно, осмотрительно, съ ясными на каждую статью доказательствами, сносясь и совѣтуясь тихо и подъ рукою съ благоразумными и благомыслящими людьми: по духовнымъ частямъ съ духовными, а по гражданскимъ съ гражданскими особами, преданными Государю и Отечеству. Все сіе, по мѣрѣ возрастанія сего плана, буду я по временамъ предварительно представлять на благоусмотрѣніе Вашего Величества.

3. Для обузданія разврата, разсѣваемаго въ книгахъ тысячами различныхъ образовъ, не дожидаясь вышеозначеннаго

мною общаго плана, нужно какъ найскорѣе устроить Цензуру, которая до сего времени, можно сказать, не существовала. Сему цензурному постановленію надлежитъ немедленно и прежде всего сдѣлать особый планъ, которымъ, если угодно будетъ, я неукоснительно займусь и представлю Вашему Величеству. Потомъ въ дальнѣйшихъ на то подвигахъ да поможетъ мнѣ Господь и Государы!»

Его Императорское Величество, принявъ меня милостиво, одобрилъ сіе мое представленіе, и приказалъ мнѣ приступить къ начертанію сихъ плановъ. Послѣ чего подалъ я ему бумагу, прося его въ свободные часы прочесть оную. Бумага сія была слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій Государы!

Угодно было Монаршей волѣ Твоей, безъ всякаго у меня вопроса и безъ всякаго исканія моего, наименовать меня Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ самое многотруднѣйшее время для сего званія. Я повиновался священному гласу Твоему въ 1812 году, когда врагъ Отечества шелъ съ оружіемъ на Россію. Съ тѣмъ же пламеннымъ усердіемъ повинуюсь и нынѣ, когда тайная вражда умышляетъ противъ Церкви и Престола. Но, Государь, могу ли я, утружденный бременемъ лѣтъ и болѣзнями, стать противу гидры, которую преодолѣть потребны Геркулесовы силы? Нравственный развратъ, подъ названіемъ духа времени, долго росъ и усиливался. Юноши, воспитанные въ немъ, возмужали, и весьма многіе больше или меньше впади въ сіе заблужденіе, подкрѣпленное неопытностію и самолюбіемъ. Сіе ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и челоуѣколюбія, умѣло вползати въ невинныя сердца и заражати ихъ ядомъ своимъ. Министерство Просвѣщенія, не знаю, по какимъ причинамъ, но явно и очевидно, попускало долгое время расти сему злу, и, мало сказать, попускало, но оказывало тому всякое покровительство и ободреніе. Восемь лѣтъ тому назадъ, въ представленномъ отъ меня Государственному Совѣту мнѣніи моемъ о Цензурѣ, говорилъ и доказывалъ я то же, что говорю теперь. Восемь лѣтъ много времени! Тогда уже плоды сего разврата явно

оказывались, не въ тихихъ между собою бесѣдахъ и разговорахъ, но и въ печатныхъ книгахъ, издаваемыхъ отъ Правительства и рассылаемыхъ въ Училища для преподаванія по нимъ наставленія юношамъ. Нынѣ сему, долговременно продолжавшемуся, теченію обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, принесшихъ уже великіе успѣхи, дѣлается переломъ. Надлежитъ сей, широко разлившейся и быстрой, рѣкѣ поставить преграду. Сею преградою, симъ оплотомъ, Государь, повелеваешь ты быть мнѣ. Смѣю сказать (и Богъ мнѣ въ этомъ свидѣтель), что въ ревности и усердіи моемъ исполнить толь священную волю Твою, ни кому я не уступаю: у насъ, старыхъ людей, по Богѣ—Царь. Но опять возвращаюсь къ прежнему: тѣлесныя силы мои слабѣютъ, а съ ними притупляется и зрѣніе и память. Съ сими ли недостатками могу я быть въ толь важномъ подвигѣ дѣятельнымъ воли твоей исполнителемъ? Чувствую, что самъ собою я слабъ, немощенъ, ничтоженъ. Слѣдовательно, при таковомъ чувствованіи моемъ надлежало бы мнѣ упасть къ стопамъ Твоимъ и просить о снятіи съ меня сего бремени, котораго я понести не въ силахъ. Но Ты, не спрося меня, слово свое изрекъ. Можетъ ли даже и самая старость и слабость моя, при гласѣ Благословеннаго Александра, не воспринуть и не ободриться? Могу ли святость изреченія Твоего остановить моею неспособностію? Долгъ и благоговѣніе мое воспрещаетъ мнѣ и помыслить о томъ. И такъ, Государь, я повинуюсь Тебѣ, повинуюсь охотно, вседушно, всеусердно: пріемлю на себя возложенное тобою бремя. Въ сихъ трудныхъ для меня обстоятельствахъ, имѣю я единую надежду на Бога; но позволь мнѣ, Государь, имѣть и другую на Тебя. Поддержи меня могуществомъ Твоей руки, подкрѣпи меня твердостію Твоей воли, просвѣти меня силою Твоего свѣдѣнія и разума! Безъ сего я буду ничтоженъ, бесполезенъ Тебѣ, ненуженъ Отечеству и самому себѣ вреденъ. Я знаю, что при семъ переломѣ тысячи очей обращены на меня и ожидаютъ, какое сдѣлать заключеніе изъ обращенія Твоего со мною; если примѣтятъ, что я недоступенъ до Тебя, не могу сообщать Тебѣ мыслей моихъ, не могу пользоваться и руководствоваться Твоими наставленіями, то противная благимъ правиламъ и намѣреніямъ сторона тотчасъ ободрится и станетъ обо мнѣ разглашать: ему ли, съ его малосиліемъ, удержатъ наше стремленіе? Она восторжествуетъ и содѣлается дерзновеннѣе

прежняго. Я подвергнусь ихъ пронырствамъ и посмѣянiю, да и самыя благомысленныя люди стануть укорять меня безпечностію, недѣятельностію и, можетъ быть, я потеряю имя усерднаго Царю и Отечеству слуги, имя, столь для меня драгоцѣнное и котораго я ни за какія золотыя горы не промѣняю, ни для какихъ угрожающихъ мнѣ бѣдствiй не отступлюсь. Вотъ, Всемилостивѣйшій Государь, чистосердечное предъ Тобою чувствъ моихъ изліяніе. Не подумай, глава Церкви и Отечества, чтобъ я, не чувствуя важности Твоихъ занятій и драгоцѣнности Твоихъ часовъ, хотѣлъ обременять Тебѣ какими либо мелочными докладами, или маловажными представленіями, но не возбраняй мнѣ входа съ нужными дѣлами, не отнимай у меня смѣлости обнажать предъ Тобою всю глубину души моей, всѣ мои помышленія, и слышать изъ устъ Твоихъ изреченный на нихъ судъ Твой и волю! Злочестіе и дерзость да увидятъ во мнѣ подъятое на нихъ орудіе Твое, и усмирятся. Безъ сего я буду слабая трость и, не взирая на величайшую мою преданность и повиновеніе, принужденъ буду сказать: «Воля Твоя, Государь, нѣтъ моихъ силъ: сними съ меня наложенное выше способностей моихъ бремя!» Не подумай также, милосердый Монархъ, чтобъ я изъ какой либо корысти, или честолюбія, искалъ приблизиться къ Тебѣ. Я безъ нихъ прожилъ на свѣтѣ семьдесятъ лѣтъ, которые прошли какъ одинъ мигъ. Остатокъ дней моихъ кратокъ; онъ не возродитъ во мнѣ сихъ желаній. Я буду преданъ Тебѣ по гробъ мой, но собственно для меня надобенъ одинъ только Богъ. Прости великодушно сему чистосердечному объясненію моему, и да будетъ со мной Твоя Богомъ внушенная воля!

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

А. Ш.»

Маія 22 дня, 1824 года.

Того жъ мѣсяца 31 числа, въ 6 часовъ по полудни, на Каменномъ Острову былъ я у Государя съ докладами. Его Величество, принявъ меня, милостиво сказалъ мнѣ, что, по прочтеніи моей бумаги, всегдашнее уваженіе Его къ благороднымъ мыслямъ и чувствамъ моимъ, о которыхъ Онъ по опыту знаетъ, не только

не уменьшилось, но еще болѣе увеличилось. Я просилъ у Него позволенія и впродѣ объясниться съ Нимъ на бумагѣ, по тому что, въ устныхъ разговорахъ часто, а особливо при моей устарѣлой уже памяти, могу я забывать, о чемъ доложить Ему хотѣлъ. Онъ похвалилъ меня за сіе и сказалъ, что это гораздо лучше. Тутъ же, въ слѣдствіе испрошеннаго мною позволенія о сочиненіи плановъ, читалъ я ему слѣдующую бумагу:

«О цензурѣ или разсматриваніи книгъ.

Цензуру полезно устроить на слѣдующемъ основаніи:

1. Просмотрѣть Цензурный Уставъ, нѣтъ ли чего въ немъ выпустить, или прибавить, и если найдутся какія излишества, или недостатки, то исправить, пополнить и вновь издать оный.

2. Цензурный Уставъ долженъ быть напечатанъ и во всякой типографіи хранимъ, дабы писатели могли заблаговременно знать, какими правилами должны они въ сочиненіяхъ своихъ руководствоваться и чего остерегаться.

3. Сей Уставъ долженъ быть таковъ, чтобъ, давая свободу и отнюдь не связывая ума и дарованій писателя, служить, однако жъ, къ обузданію своевольныхъ и неосновательныхъ мыслей, предписывая о наблюденіи, чтобъ издаваемые сочиненія были въ правилахъ нравственности, въ правилахъ истиннаго просвѣщенія, никому необходимы, всякому для чтенія полезны, или, по крайней мѣрѣ, забавны, но безъ всякаго вреда нравамъ, наукамъ и языку.

4. По изданіи Цензурнаго Устава надлежитъ избрать шесть, или восемь, человекъ, искусныхъ въ Словесности, Цензоровъ, съ хорошимъ содержаніемъ, и поручить изъ нихъ одному Философическія, другому Историческія, третьему нравственныя книги, четвертому журналы, и такъ далѣе, съ обязанностію, чтобъ каждый изъ нихъ вступающія къ нему по его части книги прилежно отъ доски до доски прочитывалъ, и на всѣхъ сомнительныхъ ему, особливо же несходныхъ съ Уставомъ, мѣстахъ останавливался и замѣчалъ ихъ, для донесенія Министру Просвѣще-

нія, который самъ собою, или, въ случаѣ важности, по совѣту съ Верховнымъ Цензурнымъ Комитетомъ, приказывалъ бы пропустить, или не пропустить ихъ.

5. Верховный Цензурный Комитетъ долженъ состоять изъ шести, или, по крайней мѣрѣ, изъ пяти, особъ, а именно: изъ Митрополита, или ученаго Архіепископа, изъ Министра Просвѣщенія, Министра, Полиции, Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министра Юстиціи. Можно къ симъ присовокупить и еще одного изъ Государственныхъ людей, имѣющаго достаточныя познанія.

6. Комитетъ сей долженъ требовать отъ Святѣйшаго Синода, нѣтъ ли какихъ изданныхъ въ свѣтъ противъ Православной нашей Церкви книгъ, и если таковыя книги найдутся и отъ него наименованы будутъ, то, по рассмотрѣніи оныхъ въ Комитетѣ, представить Государю Императору, дабы повелѣно было истребить оныя.

7. Образъ сего истребленія долженъ быть слѣдующій: безъ большой огласки отобрать ихъ у всѣхъ книгопродавцевъ, заплатя имъ за оныя умѣренную цѣну и запрета впредь продавать и перепечатывать. Но какъ таковое отобраніе не можетъ простираться на частныхъ людей, заранѣе купившихъ оныя, то оставить сіе безъ отыскиванія; а дабы уменьшить вредъ, приносимый ими, то можно противъ оныхъ издавать другія книги, доказывающія, или осуждающія, или осмѣивающія нелѣпость и безнравственность содержащихся въ нихъ умствованій и ученій.

8. Сверхъ наблюденія, чтобъ впредь худыя книги не были издаваемы и самыя вреднѣйшія изъ нихъ сколько можно истреблены, надлежитъ поручить Цензорамъ и всѣ изданныя до сего книги прочесть, съ тѣмъ, чтобъ попадающіяся въ нихъ худыя и безнравственныя мѣста выписывать, указуя и книгу и страницу, на которой таковая мысль, или выраженіе, встрѣтится. Тогда, по собраніи сихъ выписокъ, Верховный Комитетъ разсмотритъ ихъ и рѣшитъ, чтобъ, при перепечатываніи сихъ книгъ, негодныя мѣста были изъ нихъ выкинуты, или же и вся книга осуждена не быть никогда возобновленною.

9. Верховный Цензурный Комитетъ имѣетъ право и обязанность призывать къ себѣ тѣхъ писателей, которые подобное что ни будь написали и въ печать издали, или издать хотятъ, и дѣлать имъ замѣчанія, что образъ мыслей ихъ худъ, и чтобъ они впредь отъ изъясненія онаго воздерживались.

10. Цензоръ, пропустившій какое либо худое мѣсто, не донеся о томъ Цензурному Комитету и не получа отъ него разрѣшенія, отвѣтствуетъ за оное и подвергается наказанію, смотря по важности пропущеннаго имъ мѣста.

11. То жъ самое наблюдается при издаваніи, или перепечатываніи, здѣсь иностранныхъ книгъ.

12. Министръ Просвѣщенія приготовляетъ дѣла и назначаетъ день для общаго засѣданія Верховнаго Комитета, о мнѣніи и положеніяхъ коего доноситъ Государю Императору на утвержденіе.»

По прочтеніи сей бумаги, Его Величество одобрилъ оную во всемъ, и когда я предложилъ Ему оставить ее у Него, дабы вновь на свободѣ прочитать и просмотрѣть, не найдетъ ли чего убавить, прибавить, или замѣтить, тогда Онъ спросилъ у меня: оставилъ ли я у себя списокъ съ ней? И когда я отвѣчалъ: нѣтъ, то Онъ приказалъ мнѣ, чтобъ я велѣлъ списать ее для себя, а подлинникъ, написанный моею рукою, отдалъ Ему при будущемъ докладѣ.

Іюня 7 числа, въ 6 часовъ по полудни, былъ я въ Царскомъ Селѣ съ докладами у Государя, и отдалъ Ему слѣдующую бумагу:

«Отъ Комитета Господъ Министровъ поручено было мнѣ и Министру Внутреннихъ Дѣлъ рассмотретьъ печатный переводъ Госперовой книги. Рассмотрѣніе сіе внесено въ Комитетъ и читано сего Іюня 3-го числа, вмѣстѣ съ слѣдствіемъ отъ Полиціи, по сему дѣлу произведеннымъ. Не увлекался ни строгостію обвиненія, ни списходительностію оправданія, но входя, чрезъ соображеніе одного мѣста съ другимъ, въ точный смыслъ и духъ сей книги, не возможно не признать цѣли ея, явно и очевидно состоящей въ

томъ, чтобъ, подъ видомъ толкованія Евангельскихъ текстовъ, проповѣдывать низверженіе всякой Христіанской Вѣры, отвращеніе отъ Священныхъ писаній и позывъ на возстаніе противъ всѣхъ Первосвященниковъ, всѣхъ Вельможъ и Царей. Намѣреніе сей книги согласуется со многими другими, изданными уже въ свѣтъ, и со всѣми прочими, предпріятими по сему различными способами и дѣйствіями. Въ вышезаченномъ слѣдствіи открывается, что Директоръ Министерства Просвѣщенія самъ поправлялъ ее собственными своими толкованіями въ томъ же точно духѣ, въ какомъ писана сія книга, и, по признаніи оной всѣми за безбожную и зловредную, не перестаетъ и послѣ сего утверждать ее благочестивою и благонамѣренною. Когда Министерство Просвѣщенія не только не отвращало подобныхъ возмутительныхъ ученій и предпріемлемыхъ мѣръ, но старалось даже съ отличныи рвеніемъ распространять ихъ; когда оно размножало таковыя правила посредствомъ парочно выписываемыхъ для сего проповѣдниковъ и миссіонеровъ, какъ въ столицы, такъ и во внутренность Государства; когда, слѣдственно, при таковой системѣ своей, долженствовало твердыхъ въ Вѣрѣ и преданныхъ Государю и Отечеству благомыслящихъ людей тѣснить и отдалять, вводя ихъ въ подозрѣніе, дабы себя отъ подозрѣнія и уличенія избавить; когда все сіе дѣлалось и длилось не малое время, то нельзя ни какъ въ великости происшедшихъ отъ того успѣховъ сомнѣваться. Равнымъ образомъ и то не возможно, чтобъ сіи дѣйствія и успѣхи ихъ оставались сокрытыми отъ очей народныхъ: они, подобно горящему зданію, до тѣхъ поръ не явны, доколѣ малы; но чѣмъ болѣе возрастаютъ, тѣмъ и всякому видѣе становятся, и тѣмъ сильнѣйшее обращается на нихъ вниманіе не только своего, но и чужихъ народовъ; видя домъ свой зажигаемымъ, трепещатъ отъ ужаса и чужіе народы; при распространеніи огня сего въ сильной, страшной для нихъ, Державѣ, радуются, ибо на разрушеніи силъ ея создаютъ надежду своего величія. Главнѣйшее и сильнѣйшее потрясеніе Царства производится стремленіями къ разрушенію господствующей въ немъ Вѣры. Струна сія чрезвычайной важности: она, какъ въ электрическомъ сооруженіи, не можетъ быть тронута безъ послѣдованія за симъ страшнаго удара. Тогда или разрушители Вѣры одерживаютъ верхъ, и Царство погибаетъ, или народъ, вступая за Вѣру, вос-

паляется мщеніемъ и проливаетъ кровавые своихъ и чужихъ токи. Оба сіи случая суть бѣдственныя и ужасныя, и по тому заблаговременная прозорливость долженствуетъ всѣми способами не допускать до созрѣванія сего волненія умовъ и страстей, разрывающаго всѣ общественныя связи. По сіе время, видя явное въ Министерствѣ Просвѣщенія покровительство и стараніе о распространеніи противныхъ Вѣрѣ толковъ, гоненіе тѣмъ, кои защищали оную, и нѣкое господство надъ самимъ Синодомъ, благомыслящіе и твердые въ правилахъ люди, воздыхая, припуждены были молчать, а не твердые, побуждаясь корыстію и почестями, преклонялись на сторону (Просвѣщенія) Министерства; но когда сдѣлалась въ немъ неожиданная ни кѣмъ переменна, тогда вниманіе всѣхъ обратилось на то, что, конечно, худость направленія умовъ открылась Верховной Властью, и она приняла мѣры къ обращенію всѣхъ на иной, противной сему, путь. Зловредность прежняго пути внезапною переменною сею обнаружилась яснѣе тѣмъ, что ропотъ на бывшее Министерство сдѣлался общій. Въ сихъ обстоятельствахъ, естественно, всѣ обрадовались, ожили и возложили на Тебя, Государь, несомнѣнную надежду, что Ты предпріялъ твердо истребить корни посѣяннаго зла и возстановить поколебленное спокойствіе. Я увѣренъ въ любви и преданности къ Тебѣ Россійскаго народа: онъ твердъ и незыблемъ въ ней, какъ непоколебимая ни чѣмъ гора, но столько же и твердъ въ Вѣрѣ свей Православной, утвержденной вѣками. Одно только покушеніе противъ ней можетъ поколебать вѣрность его къ Тебѣ. Въ прошедшую войну съ Французами, или, лучше сказать, со всею Европою, Вѣра спасла и вознесла Тебя и насъ: да не будетъ Вѣра сія поругана и да не вознесетъ Православный на Православнаго и брата на брата оружія своего! Боже да сохранить отъ сего и помилуетъ насъ!

Всемилоствѣйшій Государь, прости измѣненію сихъ боязненныхъ чувствъ моихъ предъ Тобою! Время и обстоятельства исторгаютъ ихъ изъ души моей. Не настоитъ, конечно, ни какой еще опасности, но и отвращается она не тогда, когда настанетъ, или усилится. Не ослаби единственной на Тебя надежды Твоихъ вѣропопдающихъ! Малѣйшій видъ, что Ты позволяешь оставаться прежнимъ дѣйствіямъ и держишь надъ ними руку свою, приве-

детъ всѣхъ въ сомнѣніе о чистотѣ Твоихъ намѣреній и повергнетъ ихъ въ отчаяніе. Да не падетъ ни малѣйшая пылинка на священное имя Твое, — вотъ страхъ мой. Еще, умоляю Тебя, прости смѣлости моихъ рѣчей и дерзости совѣтовъ: сія смѣлость и сей страхъ не родились бы никогда во мнѣ, если бы я не о Твоей, всѣмъ нужной, но только о своей ничтожной пользѣ, помышлялъ.»

(Сію записку отдалъ я безъ подписанія имени моего, прося, какъ и прежде, прочитатъ ее безъ меня, и примолвъ къ тому, что если найдетъ Онъ въ ней что либо не по мыслямъ своимъ, то простилъ бы моему чистосердечію. На сіе отвѣчалъ Онъ мнѣ, что Онъ находитъ разсужденія мои и мысли справедливыми, равно какъ и всѣ тѣ бумаги, которыя я въ прежнюю бытность мою при Немъ написалъ къ Нему. Предположеніе мое объ учрежденіи Цензуры и Верховнаго Цензурнаго Комитета оставилъ я у Него.)

Того жъ мѣсяца 14-го числа ѣздилъ я на Каменный Островъ съ докладами, но не былъ принятъ.

Того жъ мѣсяца 21-го числа тожъ ѣздилъ я въ Царское Село съ докладами, но не былъ принятъ.

Того жъ мѣсяца 28 числа Государь былъ отсутственъ.

Іюля 2-го числа писалъ я къ Государю слѣдующее: «Министръ Просвѣщенія Шишковъ, по приглашенію Графа Аракчева, пріѣхатъ къ нему въ Грузино на 5 и 6 числа сего мѣсяца, проситъ позволенія въ субботу, т. е., 5 числа, отлучиться туда, послѣ, или прежде, доклада, какъ ему позволено будетъ.»

Сія записка прислана была ко мнѣ обратно съ слѣдующимъ отвѣтомъ, написаннымъ карандашемъ собственною Его Величества рукою: «Весьма согласенъ, и дабы удобнѣе вамъ ѣхать, я васъ приму въ субботу, въ 11-ть часовъ утра, въ Красномъ, Селѣ.» (Обыкновенно же докладывалъ я въ 6-ть часовъ по полудни.)

5-го числа того жъ мѣсяца былъ я въ Красномъ Селѣ съ докладами. Государь Императоръ между прочимъ изъяснилъ мнѣ